

— Съешь яблоко!
И я послушно ем,
Старательно прожёвываю мякоть,
Хоть я хочу не яблоко совсем,
А просто так — смотреть в окно и плакать.
Но яблоко... И мне сказали: «Ешь!»
Не съем его — останусь виноватой.
И червь сомнений прогрызает брешь
В моей душе, как в яблоке проклятом.
Хотелось бы мне яблоко отдать
Тому, кому оно необходимо,
Но плод надкушен — нужно доедать,
И я жую, жую неотвратно...
А червь грызёт, и суть моя ясна:
Кругла, красна и знанием томима,
Ложусь в ладонь и слышу голоса:
— Съешь яблоко, в нём много витаминов.

После пожара в подвале соседнего дома
мы с девочками нашли труп огромной крысы
в песочнице.

Было решено похоронить её под старой черёмухой.
После вскрытия.

Кирпичом разбивая бутылку из-под шампанского,
я думала только о том,
что осколки могут оказаться недостаточно острыми.
Обошлось.

Кленовой веточкой вытягивая на свет
кишки из тугого серого брюшка,
я думала, что быть ветеринаром не так уж противно,
но вернуть внутренности на место не выходило
(будто их стало больше),
и я передумала.

Похороны были скромными.

Тщательно протираю пальцы спиртом,
чтобы пыльца другого растения
не отразилась на плодах селекции.

Ищу мужской цветок,
иду к материнскому растению,
выбираю женский.

Аккуратно надрываю бледно-жёлтый венчик
мужского цветка,
обнажая тычинки,
делая их беззащитными,
делая его некрасивым.

Вкладываю в женский цветок то,
что осталось от мужского,
так,

чтобы пыльца непременно попала на рыльце,
закрываю венчик женского цветка,
закручивая его в чистую вату, так, чтобы он
не раскрылся,
чтобы ни одно насекомое не вмешалось,
чтобы никто не подглядывал,
чтобы солнечный свет не проникал внутрь.

Тщательно протираю пальцы от пыли спиртом,
Тщательно протираю пальцы от пыли,
Тщательно протираю пальцы.

Зайдёт, присядет у окошечка,
закурит, угостится пряником,
платочки для гостей потрогает,
кисель попробует на качество,
переберёт иконки, крестики,
положит на стаканчик хлебушек,
на фотографию засмотрится —
красивая.
Рукою проведёт по вышивке,
на пальцы круглые натянутой,
хорошая подушка вышла бы,
когда б закончили.
Проверит – зеркала завешаны,
накажет пол помыть,
потопчется...
Неловко боком в двери выскользнет.
Всего хорошего.
И вам
всего хорошего.

Ночь. Печь. Спишь. Тишь.
Вдруг звук, глядь — мышь.
Кот, гад, кысь, кысь!
Мышь, прочь, мышь, брысь!
Кот — прыг: шум, писк,
Кот сыт, дом чист.
Ночь. Тишь. Вдруг скок:
Кот лёг под бок.

Мы ни о чём не думали вчера
И завтра ни о чём не будем думать,
Беспечно покупая свитера
С оленями за кругленькие суммы.
Мы будем тратить деньги на икру
(Гасить кредиты было бы вернее),
Надеясь что-то выдумать к утру,
Которое должно быть мудренее.
С умом бы жить, да не с кого спросить,
Стихи не застрахуют от забвенья.
Мы продолжаем белкоколесить,
Воспринимая смерть как избавленье.

На скамейке промокнуть брошенным зайцем до нитки
Не позволяй, запрети горячительные напитки
И домой возвращаться поздней десяти
Запрети.
Не бросай меня, папа. Ведь там, под кустом ракиты,
Встреча с волком обещана, брошенным и забытым...
Лучше ты меня за бок до крови кусай —
Не бросай.

На хлеб намазываю масло
Средь кухонных опрятных стен,
Как будто жизнь моя прекрасна,
А между тем

В глазах моих по морю плещет
И сердце расходилось так,
Как будто на ветру трепещет
Горящий мак.

Всё в мире приравнялось к мигу,
Где у автобуса стою,
Ты мне протягиваешь книгу,
Но не свою.

А ветер гонит птичьи стаи...
Во мне отчаянье и грусть,
Как ласточки, гнездо сплетают,
Но я смеюсь.

Как будто это что-то значит,
Как будто, если б ветер стих,
То жизнь сложилась бы иначе,
Чем у других.

Когда бы я так не спешила прочь,
Когда бы ты так не желал остаться,
Могли бы мы, наверное, всю ночь
Прогуливаться молча вдоль акаций.
Не нарушая словом красоты,
Сверчками исполняемой сонаты,
Встречать во тьме подлунные цветы,
Которые ни в чём не виноваты:
Ни в этой тьме, ни в призрачной луне,
Фонарь превосходящей многократно,
Ни в том, что ты совсем не дорог мне
Тогда, когда мечтаешь об обратном.

Мой панцирь стал мне мал.
Я долго притворялась,
что я слаба, что я не знаю букв.
Но суть моя росла
Во мне и разветвлялась,
И обращалась в звук.
Который нарастал
и выливался горлом,
тяжёлый и густой,
уже не звук, а ртуть,
Как талая вода,
Сплетясь потоком горным,
Прокладывала путь.
И я смотрела вслед
отпущенному слову,
Бледнея и скорбя,
Родство утратив с ним,
Но расширялась грудь
И подступало к горлу,
И наполнялся рот
Ещё одним.